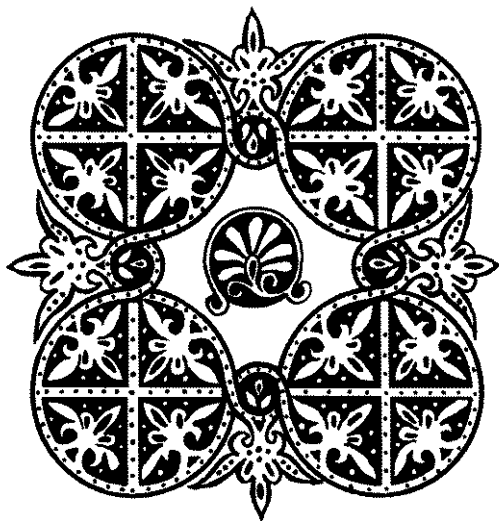

Охотник, олень и гора
в “Житии Евстафия Плакиды”

© О. В. ГЛАДКОВА,
кандидат филологических наук

“Житие Евстафия Плакиды” – памятник мировой литературы средневековья, получивший широкую известность как на Западе, так и на православном Востоке. В Древней Руси “Житие” скорее всего было переведено в эпоху Ярослава Мудрого (XI в.) и стало одним из самых читаемых агиографических произведений в русской и славянской книжности.

В “Житии” органично соединились традиции античности и средневековья. В основу “Жития” легли мотивы и сюжеты, используемые с древнейших времен фольклором и литературой (разлучение и воссоединение семьи, мнимые смерти, счастливые узнавания и т.д.), один из таких сюжетов – рассказ, а точнее, *Чудо об охотнике и олене*. Этот сюжет необыкновенно значим в “Житии”: стратилату-военачальнику язычнику Плакиде является на охоте чудесный *олень* с крестом над рогами и образом Св.Тела Христова между ними и призывает Плакиду креститься, чтобы впоследствии он мог воспринять из уст самого Иисуса Христа “тайны Спасения”. С момента встречи с Божественным *оленьем* начинается путь Плакиды и его семьи к вершинам святости.

Встреча охотника и оленя, помимо “Жития Евстафия”, описывалась также в коптском “Житии Св. Феодора”, в житиях Петра Афонского, Саввы Сербского, Александра Свирского, Никандра Псковского. Генезис этого сюжета не изучен. Но, пожалуй, более всего он известен все-таки по “Житию Евстафия Плакиды”, недаром олень и именно *ловец* Плакида вспоминаются в “Житии первоучителя Константина-Кирилла”, в “Чтении о Борисе и Глебе” Нестора, в “Житии Никандра Псковского” и др.

Сакральный смысл *Чуда об олене* в “Житии” во многом раскрывается через три ключевых образа-символа – охотника, оленя и горы.

Еще в древней Индии герою-охотнику являлся бог в облики оленя. В христианской традиции прежде всего олень воспринимался как символ Божественного начала, как символ Христа, о чем свидетельствуют, к примеру, “Физиологи” и “Бестиарии”. Однако в мифологии и агиографии обнаруживаются свидетельства того, что олень мог одновременно восприниматься не только как символ Христа, но и как символ враждебного начала и самого сатаны [1]. Такая двойственность характерна для средневековья: “двойко каждое творение, хотя бы в нем предполагали зло, но и добро обретается” [2]. Аналогичная двойкость была присуща не только оленю, она сопровождала, как отмечали исследователи, также образы-символы льва, петуха, возможно, и каких-то других животных.

Символика образа оленя в христианстве подробно проанализирована, в частности, М.С. Гладкой [3], которая опиралась на труды А.С. Уварова, Г.К. Вагнера, В.Н. Лазарева и др. Таким образом, можно сказать, что олень не только символизировал Христа, но мог указывать также на душу, стремящуюся к Богу. Подобное истолкование опиралось в первую очередь на Псалтырь, где говорилось: “Как лань [в славянском переводе – *елень*. – О.Г.] желает к потокам воды, так желает душа моя к Тебе, Боже!” (Пс. 41; 2, ср.: Пс. 17; 33–34). Основание для такого истолкования давали и некоторые другие книги Святого Писания: “Господь Бог – сила моя: Он сделает ноги мои как у оленя и на высоты мои возведет меня!” (Авв. 3; 19, ср.: 2 Цар. 22; 34). Кроме того, олень в средневековой культуре, как отмечает и М.С.Гладкая, понимался как символ *спасения, причащения, жертвенности*. Олень у Креста (как, например, в “Житии Евстафия Плакиды”) или древа помимо названных толкований мог быть понят как символ *спасения человека* церковью Христовой. Соотнесенность оленя и Христа в “Житии Евстафия Плакиды” всегда признавалась исследователями, но о “темной” стороне этого образа в “Житии” еще не говорили, а между тем этот аспект важен для понимания произведения. В “Житии Евстафия” встреча Плакиды-язычника с Христом-оленьем воспринимается как своего рода оглашение, катехизация Плакиды, предшествующие крещению, в подтверждение этому в тексте *Чуда* появляется символическая троичная

конструкция с одинаковым началом: *отлучи же ся* елень т от стада / *отлучи же ся* и плакыда с малом чядию / *отлучи же ся* далече от дружины (Текст “Жития” в упрощенной орфографии цитируется по рукописи XV в. РГБ, ф. 304, № 666).

Единоначатие (троекратный повтор словоформы *отлучи же ся*) привносит в Чудо мотив отказа Плакиды от всех прежних ценностей и может быть связано с троекратным отречением от сатаны, когда при крещении он трижды отвечает: *отрицаюсь*, а после также трижды уверяет: *я отрекся*. Обряд троекратного отречения от сатаны перед крещением известен со II века.

В средневековом памятнике слово как таковое часто не только являлось единицей данного текста, но, как уже можно было убедиться, могло прямо указывать на другие тексты, прежде всего, Священного Писания. Слово соединяло их и открывало читателю высший смысл происходящего. Так, выбор глагола *гнать* (с преобладанием значения “преследовать”) для определения действий Плакиды на охоте и форма вопроса оленя к Плакиде (“о плакыдо что мя гониши”) указывают на символическую параллель Плакида – апостол Павел, поскольку аналогичный вопрос был задан Христом и апостолу Павлу – “Савл, Савл! что ты гонишь Меня?” (Деян. 9; 3–7). Повтор слова мог образовывать символические цепочки, количество членов в которых также имело большое значение. Например, не случаен выбор глагола *уловить*, а не к примеру *убить*, обозначающего цель Плакиды – “помышляаше же в себе. которым образом *уловил бы* его”. Для переводчика глагол *убить*, мотив убийства в этом эпизоде, казалось бы, вообще недопустим, поскольку олень – это в то же время и сам Христос, как об этом говорится далее в тексте (“ему же Христос явился еленем”). Таким образом в тексте Чуда появились сакральные ряды слов: *шесть* – с корнем *лов-*: *ловец, лова, ловы, уловил бы, улови, уловити*; и *шесть* – с корнем *-гон-*: *гонити* (3 раза), *гонящим, гонящу, гониши*. Число *шесть* в христианской нумерологии связывалась со смертью Христа, произошедшей, согласно одной из распространенных версий, “в шестой час шестого дня” [4]. Возможно, двойные шестикратные повторы однокоренных слов могли указывать на грядущую мученическую смерть Евстафия Плакиды, которую он был призван принять вослед Христу, и призвание это случилось именно на охоте, когда *ловец гнал*, сам не ведая того, божественного оленя, но был сам *уловлен* сетями веры.

До сих пор мы цитировали известный перевод “Жития Евстафия”, однако оно переводилось в славяно-русской книжности неоднократно. В другом раннем переводе, текст Чуда выстраивается более жестко: цель Плакиды – *убить* оленя. Глагол *убить* повторяется трижды: *всхоте убити его; коею виною убьет елень; коею виною убьет олень* (текст цитируется по самой ранней рукописи – XV в. Гос. архива Псковской области, ф. 449, № 60). Троекратный повтор глагола *убить* снова

выводит читателя к троекратному отречению от сатаны крещаемого перед обрядом крещения. *Убить* оленя-Христа – кощунство, но стремиться *убить* врага рода человеческого, какое бы обличие он ни принимал, – задача, которую приходится решать каждому христианину по своему. Например, Георгий Победоносец или Петр Муромский поражают сатану в образе змия, Исаакий Печерский или Сергей Радонежский противостоят диким зверям – воинству ангела тьмы и т.д.

Интересно, что такая же бинарность определяет образ самого охотника Плакиды. Действительно, в эпизоде *Чуда Плакида* – пока еще язычник, которому только открывается Истина о Христе, он – одновременно символически тот же олень, то есть, согласно Псалтыри, стремящаяся к Богу душа, он и Христос, поскольку ему предначертано уподобиться Христу в мученической кончине, он – Христос по подобию ветхозаветным прообразами Христа – охотникам Самсону и Давиду. Но в то же время он “безумный”, гонящий Христа и (во II переводе) желающий *убить* Его. По словам Христа из II перевода, язычник Плакида – служитель демонам, он “работает” “бесом нечистым и немым и безъчувственным”. Получается, что охотник-язычник Плакида, гонящий оленя, одновременно, по средневековым понятиям, выступает в двух ипостасях: и как святой, и как дьявол! Уподобление охотника, ловца, дьяволу можно найти и в “Физиологе” – в рассказе об охоте на бобра предлагается следующий комментарий: “Ловец же есть дьявол. Аще есть блуд в тебе, или разбой, или прелюбодеяние – отрежи от себе и отверзи от себе дьяволу, и оставить тя ловец, дьявол” [5. С. 27].

В некоторых житиях происходит соединение двух мотивов – встречи с Божественным оленем и восхождения *на гору* (в “Житии Александра Свирского” – *на холм*) для получения Откровения. Возможно также, *гору* в некоторых случаях заменяет *камень высок*, на который взбирается олень (ср.: “Камень же был Христос” – I Кор. 10; 4). Символика образа *горы* (нетождественный вариант: *холм*) имеет богатейшую традицию в святоотеческой литературе [6]. У истоков христианской традиции стоит Ориген, для которого, как и для многих его последователей, *горы* – это одновременно воплощение и Божественного, и враждебного, дьявольского начала.

Явление Христа Плакиде *на горе* заставляет вспомнить важнейшие события Нового Завета (и их ветхозаветные прообразы, как, например, получение Откровения Моисеем *на горе Синай*), происходившие на горах, – Преславление *на горе Фавор*, Распятие *на Голгофе*, Вознесение *на Елеонской горе* и сошествие Святого Духа *на горе Сионской*. О Преславлении напоминает свет, исходящий от Креста (“светящаяся паче солнца”), о Распятии – появление Христа на Кресте (в разных переводах немного по-разному, но чаще всего присутствует и Крест, и “образ Христов”), кроме того, о распятии Христос Сам рассказывает Плакиде. Ситуацию Вознесения формирует предсказание Христа о том, что Пла-

киде (как и апостолам после Вознесения Христа. Деян. 1; 1–14) фактически еще предстоит узнать “тайны Спасения”, хотя многое уже открылось ему. И, наконец, о сошествии Святого Духа говорит не только свет (ср. языки пламени, почившие на апостолах. Деян. 2; 3) и *гора*, где происходит действие, но и Благодать Спасения, сошедшая на Плакиду, указание на избранность, которую он получил, сама ситуация призвания. Однако вся эта светлая символика сосуществует с темной, особенно заметной во II переводе “Жития”: Плакиду на горе олень заводит в “непроходный путь”. Лексема *путь* в Писании ассоциируется с Христом (“Я есмь путь”. Ин. 14; 6), в этом случае подразумевается, конечно, что путь *проходный*. Соответственно *непроходный путь* (сродни в чем-то дантовскому лесу) приобретает антонимичное значение пути-Христу – это символ языческих заблуждений Плакиды, а также самого сатаны, с которым главному герою приходится теперь вступать в борьбу.

Таким образом, текст Чуда разворачивает перед читателем целую мистерию, панораму борьбы темных и светлых сил за душу человека. Сакральный смысл происходящего, семантика образов-символов *оленья*, *охотника* и *горы* открывается просвещенному читателю благодаря точному авторскому выбору грамматических и синтаксических средств, благодаря аллюзиям и параллелям, которыми жило ученое средневековое и которые делают средневековые тексты почти полностью закрытыми для человека Нового времени.

Литература

1. Шестаков Д. Исследования в области греческих народных сказаний о святых. Варшава, 1910.
2. Марр Н. Физиолог. СПб., 1904, цит. по: Средневековый бестиарий. М., 1984.
3. Гладкая М.С. Дмитриевский собор во Владимире. Владимир, 2005. Вып. 5.
4. Щёголева Л.И. О символике чисел в греческом тексте Евангелия от Иоанна // Герменевтика древнерусской литературы. М., 2004.
5. Физиолог. СПб., 2002.
6. Дунаев А.Г. О границах поэтической аллегории при толковании Священного Писания (на примере образа горы у Оригена и в святоотеческой экзегезе) // Христианский Восток. М., 2006. Т. 4 (X).